

И.Ю. Чикунова
Россия, Тюмень
Тюменский научный центр СО РАН, ИПОС

Обычай «добровольной» смерти у населения саргатской культуры

В Притоболье и Прииртышье изучено достаточно много саргатских могильников, среди которых наиболее интересный и представительный материал дали Тютринский, Савиновский, Красногорский 1-2, Гаевский 1-2, Исетский могильники и мн. др. Соотношение динамики погребального инвентаря и динамики погребальной обрядности «создало основу для периодизации саргатской культуры в целом». О социальном статусе, хозяйственных занятиях умерших свидетельствует погребальный инвентарь.

Погребальный обряд саргатского населения обладает каноничностью, которая обусловлена определенным набором принципов погребальной практики и атрибутики. Для захоронений выбирались места, обладающие в понимании древнего населения определенными свойствами. Погребальный обряд предполагал ингумацию с последующим возведением надмогильного сооружения или захоронение покойного в уже имеющейся насыпи.

Подавляющее количество погребений в саргатских курганах принадлежит взрослым людям, в основном из элитных сословий, среди которых процент погребенных мужчин преобладает над женщинами. Доля детей и стариков очень невелика [Матвеева, 1993, с. 143-149]. Дисбаланс между количеством могильников и поселенческих памятников, позволяет предположить существование альтернативных форм захоронения для индивидов, не относящихся к разряду элиты. Закономерный вопрос – где хоронили стариков? больных и немощных? детей? – возникал на всем протяжении процесса изучения саргатских поселенческих и погребальных памятников.

Однозначно можно утверждать, что альтернативный способ погребения существовал.

Материалы раскопок поселения Липиха 5 [Чикунова, 2007] позволяют предположить, что населением саргатской культуры мог практиковаться обычай «добровольной смерти». Старый или больной человек был помехой кочевым группам скотоводов или охотников [Зеленин, 114]. Человека оставляли одного в жилище на поселении или отвозили в лес.

На поселении Липиха 5 исследована маленькая квадратная постройка (2х2 м). На полу обнаружены следы маленького костровища, тлен от взаимоперпендикулярных плашек – возможно деревянных саней (волокуши) и разбитый глиняный горшочек. Сверху обнаружены скелетные останки мужчины 30-35 лет. Ноги его были вытянуты к костру.

Можно предположить, что мужчина был смертельно ранен или тяжело болен, не имел возможности сам передвигаться, потому что умер сидя, не сходя с места. В правой руке находилась мисочка с густым варевом.

Мы предположили несколько вариантов развития событий, приведших к раскопанной нами истории. Возможно, больного человека специально изолировали от общины. Обычай «добровольной» смерти неизлечимо больных или стариков воспринимался как медицинская мера для сохранения своей семьи, племени, рода еще в 19 веке у остяков, тунгусов, лопарей и др. «Добровольная» смерть стариков и больных у некоторых племен — это именно традиционный обычай, остаток глубокой старины, и почва для него подготовлена не современной жизнью, а социально-экономическими условиями древних эпох.

В первобытном обществе «добровольная» смерть стариков и тяжело больных была вынужденной. Кочевые общества не могли долго задерживаться на одном месте, не могли нести с собою дряхлых стариков и тяжело больных. Их оставляли на месте, а сами перекочевывали в другое место. При таких условиях, конечно, лишь очень немногие

старики и больные выживали до возвращения соплеменников, большинство погибало от голода и болезни. Обычай «добровольной» смерти (смерть по просьбе, по договоренности, как медицинская мера) был распространен повсеместно в силу страха перед злыми духами в случае смерти больного/старого/раненого в окружении соплеменников.

Например, лопари покорно преклонялись перед такой суровой, вытекающей из самих условий их жизни, необходимостью. Больного, часто умирающего, укладывали в наскоро сложенный небольшой шалаш, оставляли ему немного воды, провизии и прощались [Зеленин, 114-115]. При таких условиях кочевники не могли наблюдать фактов естественной смерти, а видели только случаи смерти людей от ран, ушибов при падении, от холода и т.п. Неизвестная в опыте естественная смерть отрицалась и в теории.

При кочевом образе жизни, при недостаточном развитии разделения труда и при недостатке средств пропитания естественная смерть считалась постыдной. Достигший преклонных лет мужчина (охотник, воин) тем самым доказывал, что он в своей жизни избегал опасностей, не проявлял той отваги и риска, которые так часто необходимы в примитивной охоте и которые так часто приводят к преждевременной смерти.

При переходе к оседлому образу жизни, а особенно при появлении разделения труда, картина изменилась. Тут прежде всего люди впервые стали наблюдать случаи естественной смерти от старости, так как оседлая группа часто не имела уже необходимости покидать на произвол судьбы дряхлых стариков. При разделении труда опытные старики были нужны, например, для выделки некоторых орудий труда и обороны, для выбора лучших мест охоты и т. п. Рост производительных сил давал возможность пропитывать также и стариков. С развитием разделения труда и оседлого образа жизни, достаточное количество пропитания и родовой строй общества приводили к предпочтению естественной смерти. Опыт стариков начинает широко использоваться. В фольклорных сказаниях/сказках момент, когда люди перестают убивать стариков, всегда связан с мудрыми советами одного дряхлого старца, жизнь которого случайно и/или обманом сохранил сын. Мудрый совет старца спасает людей от голода или другого бедствия, и они, как гласят фольклорные предания, перестают убивать стариков [Латышские народные сказки, 1974].

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006)

Список литературы

Зеленин Д.К. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934-1954. М., "Индрик", 2004. - http://ec-dejavu.ru/d/Death_voluntary.html

Латышские народные сказки. Издательство «Детская литература», 1974.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 175 с.

Чикунова И.Ю. Раскопки на Липихинском 5 поселении // Археологические открытия-2005. Москва, 2007. С. 530-531.